

25.10.2016 00:01:00

Идентификация варвара

Сложность и многообразие отличают культуру развития от тупиков застоя

Александр Асмолов (/authors/24248/)

Об авторе: Александр Григорьевич Асмолов - доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности МГУ, академик РАО.

Теги: культура (/search/tags/?tags=культура), общество (/search/tags/?tags=общество), варварство (/search/tags/?tags=варварство), история (/search/tags/?tags=история)

Все-таки современные технологии умеют втирать людям очки... Фото Reuters

В музыке слово «диссонанс» означает всего лишь негармоничное сочетание звуков. Но даже этой дисгармонии можно придать определенную мелодичность.

Сложнее, когда такой разлад наступает в сознании человека или целого общества. Тогда психологи говорят о «когнитивном диссонансе», при котором в головах людей привычные представления, знания, убеждения, навыки, поведение сталкиваются с новой непостижимой реальностью. И наступает то, что просто и гениально объяснил Шекспир, вложив это в уста Гамлета: «Распалась связь времен».

Сейчас мы находимся в состоянии не только личного, но и исторического когнитивного диссонанса. Первая черта психологии современности, и я об этом уже не раз писал, заключается в том, что

ее система координат меняется. В отличие от привычной декартовой системы мы оказываемся между тремя осями - разнообразия, сложности и неопределенности.

Когда мы начинаем замечать, как на наших глазах меняется мир, то обнаруживаем удивительные вещи. В этом смысле дальше других пошел израильский ученый Юваль Ной Харари, написавший научный бестселлер «Sapiens: Краткая история человечества».

Никогда я еще не встречал книги по истории человечества, которая начиналась бы с главы «Когнитивная революция». Эта работа показывает историю человечества как эволюцию разума. Особенность этого развития в том, что уже сейчас мы должны готовить следующие поколения к тому, чего не знаем сами.

Почему это надо делать? Да потому, что уже сегодня, скажем, студенты второго курса такого университета, как Бауманка, получают знания, которые к четвертому курсу уже устареют. То же самое происходит и в других странах.

Отсюда коренным образом меняется вся стратегия образования. В мире неопределенности, роста разнообразия и роста сложности выигрывают те, кто готов к изменению изменений.

А это значит, что для тебя в этих условиях неопределенность - это не деструктор, а конструктор твоей жизни. А в ситуации неопределенности есть только два типа реакций. Первая - уйти от сложного к упрощению, от неопределенности - к моносистеме, от разнообразия - к униформе (к одному учебнику, к одному экзамену, к одной мысли на всех).

Вторая реакция - использование неопределенности как творческого ресурса дальнейшего развития.

Но если мы идем по пути актуализации прошлого и начинаем делать его своим настоящим, то это значит, мы четко понимаем, что без наследования и бережного отношения к памяти мы ничего не сможем делать. Потому что память - это не просто калитка, открытая в прошлое, а орган, существующий для прогнозирования будущего. Но если при этом «обнуляется» настоящее, то мы скатываемся во времена нашествия варваров.

Варварство - это прежде всего уничтожение разнообразия, возвращение к архаике, актуализация логарифмически заданных норм и правил поведения. Это мир, в котором господствуют ритуал, обычай, традиция...

Но я очень бережно отношусь к традициям. Потому что любая нынешняя инновация - это в будущем упакованная традиция, содержащая возможный опыт для завтрашнего дня.

Но, к сожалению, сегодня в культуре, образовании, социальных сферах мы постоянно сталкиваемся с последовательным «схлопыванием» разнообразия, сползанием в архаику. Что это такое в обыденной реальности - можно легко понять по знаменитой книге Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В ней описан всего день заключенного в лагере человека. Один день из тысяч таких же, похожих на тот, о котором рассказал писатель, сам прошедший через этот ад.

Эта хроника дня метафорична. Превращение жизни человека, как и целой страны, в день сурка ведет к стагнации, пассивности, регрессу. А в итоге - к личностному и общественному проигрышу.

Однако возвращение к архаике никогда не приводит к тем прежним формам и этапам, что были уже пройдены. Регресс всегда рождает новых чудовищ, но уже с учетом старых наработок. Я думаю, в случае такого хода российской истории Босх и Брейгель со своими полотнами могут отдыхать.

Об этом невольно задумываешься, узнавая новости из бурной деятельности отдельных современников, проявляющих титаническую заботу об исторической памяти народа.

Кажется, уже не в одном городе поклонники креативных менеджеров прошлого пытаются поставить памятник Ивану Грозному, то там, то здесь набирает силу волна увековечивания памяти Иосифа Сталина. А с другой стороны, развивается (причем не в одной стране!) другая «позитивная» история, в которой утверждается, что никакого Холокоста не было, Бухенвальд и Бабий Яр выдумали евреи, да и Гитлер был управленцем не чета нынешним...

Это все миражи архаизации. Люди, чье сознание отторгает сложности современного мира, все время ищут «святой простоты» в объяснении жизни, начинают находить ее в своем или государственном прошлом, которое всегда кажется им понятнее и лучше, чем сложное настоящее, не говоря уже о будущем.

Я к таким мечтателям порой отношусь с психотерапевтическим сочувствием. Они не понимают, что могло бы их постигнуть при возрождении тоталитарных, авторитарных систем. Причем в новых условиях - при существующих рядом новейших технологиях насилия.

Разве ИГ, запрещенное в России, - не наглядный пример гибельного тандема оружия XXI века с примитивными, архаичными формами сознания? Многим из нас кажется, что это все где-то далеко, на чужой планете. А это всего лишь наше, земное, современное Средневековье.

Я уверен, что те, кто ищет себе кумиров прошлого, верит мифам об их удивительных подвигах и свершениях, просто испытывают комплекс неполноценности. Им надо обязательно на что-то опереться, стать носителями какой-то идеи, отыскать себе фигуру поклонения. Если это фигура прошлого, то мифологизированное сознание может сделать ее как угодно великой. Если же это живущий с ними в одном времени человек, то он тоже будет наделяться необыкновенными качествами и талантами.

Таким образом, мы периодически и неизбежно попадаем в ситуацию фольклорного стишка: «У государственного пульта всех поражает вирус культа. Идет зараза от пульта - видать, конструкция не та...»

Такому устойчивому культу может противостоять только культ свободного, вариативного образования, персонального и неформального образования тех, кто сегодня начинает познавать мир.

Конечно, нам очень хочется влиять на этот процесс, но в этом желании заложена некая драма современности. Я уже давно говорю, что наступила эпоха информационной социализации детей. А это значит, что у родителей, учителей, у большинства взрослых возникает внешне невидимое, но серьезное противоречие.

Оно заключается в том, что наши дети и внуки в этом информационном мире уже живут, а мы в нем еще только учимся жить. Они этим миром дышат. А нас он пугает. Уже хотя бы тем, что в нем нет вертикалей, пирамид власти, подчинения одних другим. Но и анархия там невозможна. Потому что в свободном пространстве начинает работать естественная самоорганизация.

Еще в конце прошлого века французский философ Жан Франсуа Лиотар предсказывал, что человечество ответит на рост неопределенности, сложности и разнообразия тем, что начнет делиться на людей, готовых воспринимать сложное мироустройство, и на тех, кто тяготеет к упрощению реальности. В таком случае цивилизованность будет отличать освоение сложности и неопределенности, а не бегство от нее. Тогда как архаичные социальные системы будут делать все, чтобы пребывать в привычном и более простом мире.

Учитывая скорости нынешнего века, у России времени на выбор между прошлым и будущим совсем немного.